

— Батюшка, матушка, я весь в дорожной пыли и выгляжу совершенным неряхой, позвольте мне сперва вернуться в комнату и переодеться, а здесь уж позвольте препоручить вас заботам дедушки и бабушки.

Видя, что беседа родни входит во вкус и превращается в нескончаемый поток слов, Хань Чжан решительно не пожелал оставаться в роли выставочного экспоната и, ловко юркнув, ретировался.

И лишь когда дверь в его комнату закрылась, отрезая от посторонних глаз, он наконец позволил себе длинный, тяжелый выдох, чувствуя, как к вискам подступает тупая головная боль от осознания текущего положения дел.

Возможность прожить жизнь заново, разумеется, переполняла его радостью, но вот стартовые условия, доставшиеся этому телу, оставляли желать лучшего. Голая бедность его не пугала, ведь обладая знаниями из будущего, сколотить состояние не составило бы труда. Настоящим кошмаром, возвышавшимся на горизонте, были императорские экзамены. Любой, кто хоть немного разбирался в истории, понимал, насколько чудовищно сложен этот институт. Хань Чжан и не считал себя полным невеждой, но уверенности в том, что сможет выделиться на фоне зубрил, у него не было даже после слияния с памятью оригинала. И причина крылась в одной фундаментальной детали: в прошлой жизни он был технарем, и его академический фундамент с самого начала был заложен не в ту сторону!

Но это было еще не самое страшное. По-настоящему голова раскалывалась от мысли, что оригинал был не просто надеждой родителей, а единственным лучом света для всего клана Хань, жаждущего возрождения. Как только что красноречиво выразился глава клана во дворе, их род когда-то и впрямь принадлежал к сливкам общества. Увы, все это осталось в пыльных анналах предыдущей династии. Смена правлений, междоусобные войны, голод и бегство, стихийные и рукотворные бедствия разметали некогда великую семью по ветру. Состояния были утрачены, родичи перебиты, и в итоге до столичных окраин добрались лишь глава клана, дедушка Хань и еще несколько полуголых мальчишек, которым посчастливилось выжить и пустить корни.

Те, кто помнил вкус изысканных яств и шуршание дорогих шелков, разве могли смириться с тем, чтобы до конца дней горбатиться в поле? Беда заключалась в том, что ни таланта к наукам, ни должного образования в детстве они не получили, так что амбиции по возрождению рода оставались лишь пустыми вздохами. Что же оставалось делать в такой ситуации? Разумеется, применять самую современную тактику: яростно натаскивать следующее поколение. И оригинал оказался тем самым единственным ростком, за долгие годы проявившим хоть какие-то задатки к книжной мудрости. Росток оказался на редкость послушным. Окруженный заботой и обожанием, он не избаловался, а наоборот, проникся сознанием долга и поклялся зубрить день и ночь ради славы предков.

Но вот незадача. Оригиналу до гения было далеко, и давление на него оказывали такое, что кости трещали. А теперь, стоило Хань Чжану вспомнить заковыристые иероглифы и бесконечные комментарии к «Четверокнижию», черепная коробка буквально ныла от боли.

Эх, отец-переселенец, ты бы предупредил, что я попадаю в тело главного героя экзаменаторской новеллы!

Если бы он знал, уж точно бы при поступлении в университет выбрал гуманитарный факультет, специализируясь на китайской филологии, вы зубрил бы все тысячелетние трактаты и конфуцианские каноны, чтобы отскакивать от зубов, как орехи. Увы, история не терпит сослагательного наклонения. Итог был неутешителен: чтобы пробиться через тернии экзаменационной системы, ему, технарю с замашками, придется пахать за двоих, а то и за троих.

И все же Хань Чжан не собирался сдаваться и бросать экзаменаторскую стезю. В древней иерархии «ученый, крестьянин, ремесленник, купец» он, человек с немалыми амбициями, твердо намеревался занять самую верхнюю строчку. Древность отличалась от современности жесточайшим классовым расслоением: крестьянский труд был каторжным, ремесленник считался низом, а купец, даже набивший карманы золотом, оставался бесправным и униженным. В эту эпоху единственный социальный лифт проходил через книжную грамоту.

Хорошо еще, что небо не совсем бессердечно и позволило прихватить с собой сверхспособности... — с облегчением выдохнул он, разжимая ладонь, на которой прямо на глазах, распухая и наливаясь соком, созревало обычное травяное семечко. Совершенно верно, его растительная способность, пробудившаяся в апокалипсисе, верным хвостом проследовала за ним в этот мир. И способность оказалась на редкость удачной. Она не только умудрялась ускорять рост растений, но и обладала целительным эффектом. Если о первом пункте можно было пока поразмыслить позже, то второй вызывал у Хань Чжана искренний восторг. Попасть в древность и не бояться местной медицины, где любая простуда могла стать последней, — это ли не счастье?

Путь впереди маячил тернистый, но Хань Чжан обладал железной волей и немалой сноровкой. В прошлой жизни, начав с сиротской доли, он сумел выбиться в люди, а в апокалипсисе и вовсе основал собственную базу безопасности, став местным авторитетом. И если старт снова оказался катастрофическим, он черта с два позволит себе до конца дней плестись в хвосте!

...

— Ужинать! — раздался снаружи бодрый голос.

К моменту, когда Хань Чжан закончил давать себе установки, старейшины наконец отбыли, а на столе в главной комнате появились дымящиеся миски, возвещая о начале вечерней трапезы. Семья тесно окружила слегка потертый круглый стол, и взгляды всех присутствующих, словно притягиваемые магнитом, невольно скользили к скудным яствам, пока они дружно и громко сглатывали слюну.

Жили Хань бедно, так и пища была соответствующая: грубые лепешки из смешанной муки, жиденькая похлебка, жареная дикая зелень и самая заурядная соленая редька, которую ели чуть ли не все простолюдины. Но поскольку сегодня вернулся Хань Чжан, на столе появилось

исключение. В центре красовалась пиала белоснежного риса, маленькое блюдечко жареной капусты с копченым мясом и, конечно, привезенные им пирожные.

Как и следовало ожидать. Едва усевшись, бабушка Хань с безграничной материнской нежностью водрузила рис и мясо прямо перед внуком.

— Далагэ, мой хороший внучек, в академии ты, поди, надрываешься, смотри, и в лице спал. — Запричитала он — На, налегай на мясо, силы восстанавливай, а если мало будет, я еще поджарю! У нас к новому году столько вяленого мяса припасено, что хватит на всех! А этот отборный рис первейшей свежести, дедушка на днях специально в город ездил, говорят, его прямиком из южных водных краев везли, у нас в этих местах такой не растет, зато силы дает невероятные...

Это была исключительная привилегия оригинала: как единственный ученый муж, он автоматически получал все лучшее, что могла выжать семья. Домочадцы давно смирились с таким положением вещей, и хотя слюнки у них текли так, что того и гляди затопят пол, ни один мускул на их лицах не дрогнул от недовольства, сохраняя в доме идиллическую гармонию. И это, разумеется, было результатом многолетней, кропотливой промывки мозгов, устроенной дедушкой Хань.

И действительно. Едва бабушка закончила свою речь, дедушка ловко разделил вторую тарелку с пирожными на равные части, раздав их домочадцам, и перешел к ежедневной назидательной тираде.

— Как гласит мудрость: одному и пуд не поднять, а всем миром и гору сдвинем! Пусть наша семья Хань сейчас и живет в бедности, но с таким Далагэ мы рано или поздно сменим вывеску и вернемся к славе предков. Второй, третий, в эти годы, чтобы оплачивать учебу Далагэ, ваши семьи изрядно надрывались. Ваши труды не только мы с женой видим, но и Далагэ наверняка навсегда запомнит в своем сердце. Этот кусочек пирожного не просто знак уважения от него, это самый первый кирпичик в фундаменте возрождения нашего рода. Старшие проявляют милосердие, младшие оказывают почтение, а весь клан должен быть един, как один кулак, и вы, потомки Хань, обязаны выжечь эти слова в своей памяти!

Едва дедушка Хань закончил свою пламенную речь, как родители тут же подхватили эстафету.

— Батюшка совершенно прав, только вместе мы сможем свернуть горы, а жертвы второго и третьего брата Далагэ обязательно запомнит, и если в будущем, добившись успеха, он не будет почитать дядей и теток, я лично переломлю ему ноги!

Второй дядя и тетя, улыбаясь с простодушной искренностью, поддакнули:

— Далагэ - наш единорог, он обязательно сдаст экзамены и прославит наш род, так что потерпеть сейчас вполне стоит! Мы верим в нашего мальчика!

Третий дядя и тетя поспешили добавить:

— Батюшка, не извольте сомневаться, мы все понимаем и знаем, что Далагэ не чета тому ученому из семьи Ло, он сердцем к нам привязан, и ради него мы на любые лишения пойдем...

— Дедушка, бабушка, старшему брату нужно много сил для учебы, ему и положено есть лучше!  
— воскликнули младшие.

— Именно так! Бедный ученый, богатый цзюйжэнь! Вот сдаст старший брат экзамены, и мы не только каждый день мясо есть будем, но и в кирпичный дом переберемся, слуг заведем, так что вся деревня от зависти лопнет!

— А когда старший брат получит должность, нам, девочкам, и замуж выйти за знатных можно будет, и носить самые лучшие шелка да драгоценности!

Внуки семейства Хань тоже не отставали, горячо поддерживая общую линию. В их глазах не было и тени зависти к особому положению брата, лишь чистая, кристальная вера в светлое будущее и непоколебимая преданность. Их старший брат ведь в неполные десять лет сдал экзамен на сюэя, такой уж точно не провалится, в будущем его ждут великие дела!

После этого воодушевляющего, почти религиозного действия, вся семья Хань дружно и с нескрываемой надеждой уставилась на Хань Чжана.

Хань Чжан лишь молча созерцал этот спектакль, чувствуя, как по спине бежит холодок, после чего, выдавив из себя слегка судорожную улыбку, твердо произнес:

— Дедушка, бабушка, батюшка, матушка, дядя, тетки, младшие братья и сестры, не извольте сомневаться, я буду стараться изо всех сил, в следующем году на осенних экзаменах добьюсь успеха и полностью изменю судьбу нашего рода.

— Хорошо, хороший мальчик! Ешьте, все берите палочки!

Только после этого дедушка Хань, просияв от удовлетворения, дал команду начинать трапезу. Вся семья с энтузиазмом набросилась на лепешки, уплетая их за обе щеки. Хань Чжан тоже старательно уничтожал свой паек. И пусть каждый кусочек риса и мяса, который он сейчас отправлял в рот, в будущем потребует десятикратной оплаты потом и кровью, но какое дело, главное то, что уже здесь, на языке. А до будущего дела нет.

Сколько же лет он не ел нормальной, натуральной еды!

В апокалипсисе флора и фауна мутировали до неузнаваемости, и даже с его способностью ускорять рост, мутировавшее зерно лишь забивало желудок, а вот на вкус было просто ужасно. И пусть положение оригинала было тяжелым, но сам факт возможности прожить жизнь

нормального человека стоило того, чтобы попотеть над экзаменами. В конце концов, легких путей в этой жизни не бывает.

Покончив с ужином, Хань Чжан вспомнил слова тетушки Ло и, словно между прочим, поинтересовался:

— Дедушка, когда сегодня возвращался в деревню, слышал, как тетушка из семьи Ло хвасталась, что их Ло Ин, кажется, уже получил согласие на помолвку с дочерью семьи Сун?

Ло Ин был тем самым вторым ученым мужем из деревни Шанпо. Из-за давней вражды между кланами Ло и Хань, оригинал и ученый Ло постоянно соперничали и сравнивали свои успехи. И чтобы пробиться наверх, оба проявляли недюжинную хитрость. Дочь семьи Сун как раз и была той самой «золотой жилой», на которую оба молодого человека положили глаз, планируя жениться на богатстве. Да-да, именно жениться на деньгах. Пробиться бедному книжнику было невероятно сложно, и взять в жены богатую невесту или гэра, чтобы опереться на приданое и связи тестя, считалось самым верным способом сократить путь к успеху.

Хань Чжану дочь семьи Сун была совершенно не интересна. Но вот если она достанется ученому Ло, и семья Ло получит мощную поддержку от купца Сун, то семье Хань в деревне вскоре придется несладко, постоянно наступая на грабли унижений и притеснений.